

ІСТОРІЯ. ПОЛІТИКА. ВЛАДА

УДК 94:930.25]:323.281(470+571)

© РАМАЗАШВИЛИ Георгій

Независимый исследователь, историк, архивист, Тбилиси, Грузия
(georgiy212dbar@gmail.com)

© РАМАЗАШВИЛИ Георгій

Незалежний дослідник, історик, архівіст, Тбілісі, Грузія
(georgiy212dbar@gmail.com)

© RAMAZASHVILI Georgiy

Independent researcher, historian, archivist, Tbilisi, Georgia
(georgiy212dbar@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1516-3756>

Бібліографічний опис статті: Ramazashvili, G (2021). Zachem rossiyskiye istoriki privetstvuyut presledovaniye kolleg i podderzhivayut massovoye ogranicheniye dostupa k arkhivnym istochnikam?! [Why Russian historians endorse persecutions of their colleagues and support wide restrictions in an access to archival sources?!]. *Svit Clio* [Clio World], 3(2), 86-100. [in Russian].

ЗАЧЕМ РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ ПРИВЕТСТВУЮТ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КОЛЛЕГ И ПОДДЕРЖИВАЮТ МАССОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ДОСТУПА К АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ?!

Аннотация. В оценке открытости российских архивов для исследователей политическая воля властей зачастую воспринимается как решающее обстоятельство, влияющее на доступ к документам. В то же время позиция историков, как и общественных деятелей, способных формулировать учитываемый политиками запрос, берётся в расчет значительно реже. При ближайшем рассмотрении выясняется, что лица, возглавляющие общественные организации, а также способные влиять на ситуацию в профессиональной среде, придерживаются охранительной позиции, сопряженной с продлением запретов – особенно связанных с доступом к документам, отражающим деятельность советской госбезопасности. Поскольку сообществу профессиональных историков не хватает самоорганизации либо волевых качеств для того, чтобы, проявив корпоративную солидарность, объединиться перед угрозами, упраздняющими научную независимость исследователей, а либеральная риторика не гарантирует того, что использующие её деятели не прикрывают ею соучастие в гонениях, актуализируется вопрос о том, как и почему исследовательское сообщество не сумело эффективно помешать российским политикам эффективно использовать историю для осуществляемого Кремлём идеологического реванша. Сопоставление публичных деклараций с закулисными действиями известных российских историков, журналистов и общественных деятелей позволяет обозначить ряд причин, по которым историческая наука в России вновь отдаётся на откуп властям, рассматривающим эту профессию как разновидность политработы. Ряд эпизодов, свидетелем которых довелось стать автору статьи, предаётся огласке впервые, дополняя уже известные по публикациям высказывания, открыто подыгрывающих властям историков и политиков.

Ключевые слова: Арсений Рогинский, архивы, госбезопасность, люстрация, Международный Мемориал, Музей истории ГУЛАГа, радио Эхо Москвы, Федеральная служба безопасности РФ.

ДЛЯ ЧОГО РОСІЙСЬКІ ІСТОРИКИ ВІТАЮТЬ ПЕРЕСЛІДУВАННЯ КОЛЕГ ТА ПІДТРИМУЮТЬ МАСОВЕ ОБМЕЖЕННЯ ДОСТУПУ ДО АРХІВНИХ ДЖЕРЕЛ?!

Анотація. В оцінюванні відкритості російських архівів для дослідників політичну волю влади часто сприймають як вирішальну обставину, що впливає на доступ до документів. Водночас позицію істориків, як і громадських діячів, здатних формулювати політичні запити, беруть до уваги значно рідше. За пильного вивчення з'ясовується, що особи, які очолюють громадські організації, а також здатні впливати на ситуацію в професійному середовищі, дотримуються охоронної позиції, пов'язаної з продовженням заборон, особливо доступу до документів органів радянської держбезпеки. Оскільки спільноті професійних істориків не вистачає самоорганізації чи вольових якостей для того, щоб, виявивши корпоративну солідарність, об'єднатися перед погрозами, що скасовують наукову незалежність дослідників, а ліберальна риторика не гарантує того, що діячі, які її використовують, не прикривають нею співучасть у переслідуваннях, актуалізується питання про те, як і чому наукове співтовариство не змогло ефективно перешкодити російським політикам використовувати історію з метою ідеологічного реваншу Кремля. Зіставлення публічних декларацій із закулісними діями відомих російських істориків, журналістів і громадських діячів дає змогу виокремити низку причин, за якими історична наука в Росії знову віддається на відкуп владі, що сприймає цю професію як різновид політроботи. Okремі епізоди, свідком яких довелося стати автору статті, оприлюднені вперше, доповнюючи вже відомі з публікацій висловлювання істориків і політиків, які відкрито підігравали владі.

Ключові слова: Арсеній Рогінський, архіви, держбезпека, люстрація, Міжнародний Меморіал, Музей історії ГУЛАГу, радіо Ехо Москви, Федеральна служба безпеки РФ.

WHY DO RUSSIAN HISTORIANS WELCOME THE PERSECUTION OF COLLEAGUES AND MAINTAIN MASS RESTRICTIONS ON ACCESS TO ARCHIVAL SOURCES?!

Abstract. In assessing the openness of Russian archives to researchers, the political will of the authorities is often perceived as a decisive factor affecting access to documents. At the same time, the position of historians, as well as of public figures, who are able to formulate a request taken into account by politicians, is taken into account much less often. Upon closer examination, it turns out that those who lead public organizations, as well as those who are capable of influencing the situation in the professional environment, adhere to a protective position associated with the extension of bans - especially those related to access to documents reflecting the activities of the Soviet state security. Since the community of professional historians lacks self-organization or strong-willed qualities to unite in front of threats that abolish the scientific independence of researchers, and liberal rhetoric does not guarantee that those using it do not cover up complicity in persecution with it, the question of whether and how and why the research community has failed to effectively prevent Russian politicians from effectively using history for the Kremlin's ideological revenge is getting actual. Comparison of public declarations with the behind-the-scenes actions of famous Russian historians, journalists and public figures allows us to identify several reasons, according to historical science in Russia, it is again left to the mercy of the authorities, who consider this profession as a kind of political work. Some episodes, which the author of the article witnessed, are made public for the first time, supplementing the statements already known from publications that openly play into the hands of the authorities of historians and politicians.

Key words. Arseniy Roginskiy, archives, gosbezopasnost', International Memorial, lustration, Museum of the history of GULAG, radio Ekho Moskvyy, Federal Security Service of the Russian Federation.

Выступая 25 мая 2012 г. в Днепропетровске на круглом столе, посвященном положению «Историка – между реальностью и памятью» руководивший на тот момент историко-просветительским и правозащитным обществом «Международный Мемориал» Арсений Рогинский рассказал об эпизоде, дающем веские основания предполагать, что он периодически работал на российские власти:

«В 1992 году, с мая по октябрь, я и мои коллеги были экспертами по делу КПСС в Конституционном суде. По этому поводу в архивах нам открыли множество фондов, много разных комплексов документов. [...] Среди прочего попала переписка о следующей истории: июль 1945-го, Восточная Польша, войска проводят так называемую войсковую операцию, прочесывают огромный лес, задерживают семь тысяч человек. Эти семь тысяч человек фильтруют в течение 2-3 недель, основную массу отпускают, около 600 человек оставляют [...] потому что они, с точки зрения СМЕРШа, очевидные «аковцы» – солдаты Армии Крайовой. Дальше, собственно, документы, о которых идёт речь, – это переписка, в которой участвуют Берия и Абакумов, фигурирует генерал Горгонов, посланный специально из Москвы (который в последующем станет начальником московского МГБ) для ликвидации. В переписке прямо говорится: для ликвидации использовать такой-то батальон [...]. Там нет прямого приказа расстрелять, но очевидно, что эти люди были убиты».

Хотя очевидно, что в подобной ситуации следовало, воспользовавшись предоставившейся благоприятной политической обстановкой (а находка сделана не позже осени 1992-го, то есть спустя год после распада СССР), опубликовать эти документы, чтобы польские специалисты с российскими коллегами смогли далее расследовать эту историю, задействуя смежные дисциплины (от археологической и антропологической до архивной и, при необходимости, следственной), А. Рогинский с компаньонами принимают дикое для любого профессионального историка решение:

«И вот, в 1992-м, осенью, мы с коллегами задумались, что нам делать с этим нашим знанием? [...] Волновали нас немыслимо нервные русско-польские отношения. Потому что мы никак не могли начать разбираться с Катынью – тогда Главная военная прокуратура (далее – ГВП) начала следствие по катынскому делу, оно еще ни до чего не дошло – и тут мы вбрасываем в этот полукостёр русско-польских отношений еще одно бессудное убийство 600 человек, то есть как бы вторую Катынь. Польско-российские отношения – тонкая тема, не только в смысле отношений между государствами».

Это объяснение и сейчас выглядит невероятно неубедительным и едва ли искренним: с чего бы это «диссидента» и «правозащитника» интересуют не права семей шестисот расстрелянных в 1945-м поляков, а «нервные русско-польские отношения», то есть, прямо говоря, дипломатические интересы уровня МИД'а? Чем публикация найденных документов могла помешать начатому ГВП Катынскому расследованию? В какой «диссидентской» методичке было написано, что «бессудное убийство 600 человек» нужно замалчивать? К тому же при чем тут «польско-российские отношения», если речь идёт о преступлении, совершенном почти полвека назад в другой стране и при другом режиме? И с какой стати А. Рогинский, который, как ни крути, получил в 1992-м с Н. Петровым допуск к архивным документам как историк, вдруг стал оценивать последствия с позиций российского дипломата, каковым он ни секунды не являлся?

В итоге, как свидетельствует А. Рогинский, «18 лет эти выписки пролежали. А в 2010 году мой приятель, с которым мы вместе работали в той экспертной группе, Никита Петров, который когда-то и обнаружил эти документы, решил, что сейчас уже нормально об этом говорить. Мы еще раз посоветовались, и он опубликовал эту историю в своей книге и в «Новой газете».

Утверждая, что опубликовать документы спустя 18 лет решил именно Н. Петров, А. Рогинский умолчал о том, что речь идёт о его формальном подчинённом по «Мемориалу». И если бы Н. Петров был абсолютно свободен в принятии решения, то абсолютно непонятно, зачем ему понадобилось бы «еще раз посоветоваться», чтобы опубликовать найденную в архиве переписку. Переводя с иносказательного языка А. Рогинского, следует сделать вывод, что Н. Петров был вынужден испрашивать у него разрешения.

Что же предпринимает А. Рогинский, скрывающий своё право накладывать вето и принимать ключевое решение за неким деперсонифицированным «мы»? – «Но всё-таки мы всё время думали, как представить это так, чтобы было

максимально неболезненно для польского сознания. [...] Петров сначала дал большое интервью «Газете Выборчей», потом документы получили широкое распространение [...].»

Произошел ли дипломатический скандал или же антироссийские погромы на улицах Польских городов? Нет. Напротив, случилось именно то, что могло и должно было произойти 18-ю годами ранее, не прими тогда А. Рогинский решение (сам ли или же по чьему-то указанию) воздержаться от публикации документов: «В Польше – немислимый резонанс, потому что там существует общество, которое искало этих людей в течение многих лет. Они понимали, что их убили. Они просто не были в этом абсолютно убеждены – а тут вроде как появилось доказательство».

Подытожим. Арсений Рогинский 18 лет блокирует публикацию документов, важных для семей шестисот расстрелянных поляков и занимающихся их судьбами исследователей. Сколько за эти 18 лет родственников расстрелянных ушло из жизни, неизвестно, однако доподлинно известно то, что каждый из тех, кто ушел из жизни с 1992-го до того, как Никита Петров дал интервью в 2010-м, так и не узнал обстоятельств дела. Право держать их в неведении 18 лет себе присвоил, не имея на это никаких оснований, А. Рогинский*.

Кто, кроме безумца, может уверенно сказать, что будет жив не то, что через 18, но хотя бы через 10 лет? Чем, в таком случае, кроме феноменального цинизма и отработки политического заказа можно объяснить позицию А. Рогинского, который, разумеется, не мог поручиться за то, что обнаружившие эту переписку люди, будут живы и окажутся способны через столько лет опубликовать документы?

Причем, обратим внимание на очевидную неискренность предложенных им объяснений. А. Рогинский явно блефовал, когда утверждал, что заботился о поляках («как представить это так, чтобы было максимально неболезненно для польского сознания»), поскольку он не просто ждал, но дождался того момента, когда вероятность проведения каких-либо раскопок снизится к минимуму в связи с постепенным ужесточением кремлёвского режима. При Борисе Ельцине, когда схожие археологические работы проводились, А. Рогинский терпеливо молчал. Первое десятилетие правления Владимира Путина – молчал, и дал Н. Петрову добро предать эти данные огласке (и то – сперва в интервью, и лишь затем – в научной публикации) только в 2010-м – зловещем для поляков году, в апреле которого разбился самолёт, на борту которого находились президент Лех Качинский и члены Польского правительства.

Что может быть более болезненным для поляков, которые осознали, что, в силу недружественной позиции российского руководства, ни о каком полноценном расследовании, предполагавшем бы проведение археологических работ, и речи быть не может, пока В. Путин остаётся у власти?

Учитывая, что, рассказывая об этом весной 2012-го в Днепропетровске, А. Рогинский признался, что «привёл два примера, а мог их привести полтора десятка», следует признать, что человеку с такой психологией категорически нельзя было предоставлять право принимать решение за других историков и, тем более, за целую организацию, когда и что публиковать, и можно ли вообще публиковать в среднесрочной перспективе.

Этот груз моральной ответственности за 18-летнее утаивание сведений от нуждавшихся в них поляков не помешал А. Рогинскому 7 апреля 2010-го присутствовать в Катыни на поминальных мероприятиях, организованных в память о расстреле польских военнопленных. Комментируя позицию российский официальных лиц (а в Катыни тогда побывали и В. Путин с премьер-министром Польши Дональдом Туском) А. Рогинский углядел некий значительный смысл в

* Имея 23-хлетний опыт архивных исследований, связанных, в частности, с поиском места, где разбился и был похоронен экипаж моего двоюродного деда, я не в состоянии представить, чтобы можно было называть порядочным человеком типа, который присвоил бы себе право скрыть от меня информацию, в поисках которой я работал в архивах и ездил по местности, где разбился самолёт моего родственника.

том, что «премьер-министр России встал на колени около польской могилы во имя жертв Катыни. Это имеет огромное значение» [12].

Отметил председатель международного «Мемориала» и то, что В. Путин «назвал преступление преступлением, правда, в той речи на кладбище он не сказал, что это преступление Сталина; он сказал, что это – преступление тоталитаризма. Но даже термин «тоталитаризм» в его устах услышать для меня было удивительно».

Наигранная сентиментальность бывшего зэка А. Рогинского должна была восприниматься двусмысленно. Ему ли было не знать, с какой лёгкостью российские официальные лица умеют жонглировать терминами, добиваясь их обесценивания? В любом случае, 18 лет воздерживаясь от публикации документов, важных для семей расстрелянных, по меньшей мере странно обращать внимание на представления, сопряженные со вставанием на колени. Что-что, а эти показательные поступки точно никак не могли бы компенсировать сокрытие необходимых полякам архивных источников.

Рассуждения А. Рогинского приобрели характер комично фрейдистский, когда он, насаждавший в «Мемориале» патернализм*, заговорил о том, что «надо в первую очередь в этой патерналистски настроенной стране, где смотрят на власть и слушают власть, чтобы власть официально от своего имени это сказала».

Рассказывая о том, как его «товарищ участвовал в одной передаче по Катыни», и 80% аудитории «уверенно заявили», что именно немцы расстреляли поляков, А. Рогинский стал сетовать на то, что «когда такое количество людей убеждены в том, чего не было, что белое – это черное, а черное – это белое, [...] пока массовое сознание переменится, конечно, это преступление будет лежать между нами и поляками».

Интересно, что правозащитник, вменяя обществу в вину превратное представление о событиях 70-летней давности, скромно промолчал о том, что сам, 18 лет удерживая Н. Петрова от публикации данных о шести сотнях расстрелянных в 1945-м поляках, внёс свою посильную лепту в то, чтобы упомянутое им «массовое сознание» не получило необходимую пищу для ума, а совершенное советским режимом преступление и дальше «лежало между нами и поляками». Поэтому и его слова о том, что «главное – это наконец, донести правду о Катыни до российского народа»**, выглядят едва ли убедительно.

Сами поляки, впрочем, серьёзных выводов из того, как А. Рогинский на много лет утаил распространение архивной информации об их расстрелянных соотечественниках, сделать не захотели, судя по тому, что 4 июня 2018 г. в посольстве Польши состоялся посвященный ему вечер, на котором посол Влодзимеж Марчиняк вручил вдове покойного руководителя «Мемориала» Екатерине Великановой «Командорский крест со звездой Ордена за заслуги перед Республикой Польша», коим А. Рогинского посмертно наградила «за непоколебимую позицию в распространении правды о новейшей истории» этой страны президент Анджей Дуда [3]. Тому, что командорского креста оказался удостоен именно А. Рогинский, откровения которого полностью дезавуируют мотивировочную часть награждения, остаётся только удивляться, задаваясь одновременно вопросом о том, кто же был тем политиком либо общественным деятелем, который сподобил наградную комиссию (?) при Польском президенте сделать такой парадоксальный выбор. Причем, это была не первая награда, полученная А. Рогинским от поляков: в

* Я вынужден оставить за рамками этой статьи подробный анализ того, как Рогинский превратил общественно-политическую организацию, каковой являлся «Мемориал», в семейно-кланово-трайбовый бизнес. Достаточно ограничиться упоминанием, например, Александры Поливановой, которая умудрилась, будучи переводчиком со шведского, перейдя в «Мемориал», попасть в правление общества – исключительно благодаря тому, что она приходится племянницей Никите Охотину, многие годы являвшемуся близким другом Рогинского и одним из топ-менеджеров этой организации.

**Хотя эти слова А. Рогинского даны Голосом Америки в пересказе («В свою очередь Арсений Рогинский обратил внимание на то, что главное – это, наконец, донести правду о Катыни до российского народа») [1]. Удостоверился ли редактор сайта у А. Рогинского, насколько точно корреспондентом Голоса Америки воспроизведены его слова, не известно.

2005-м и 2010-м гг. его наградили орденом «Заслуг перед республикой Польша» степени кавалера. Не менее парадоксально выглядит и награждение А. Рогинского в 2010-м орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия».

О том, как абсолютно советский по типу внутренний цензор останавливал А. Рогинского и вынуждал его препятствовать исследовательской работе подчинённых ему историков, демонстрирует еще один дикий пример из его собственной практики:

«В начале 90-х я довольно много занимался статистикой советского террора. Изучил огромное количество отчетных «простыней» о терроре за все годы, из разных регионов Советского Союза. Статистика у нас всерьёз начинается с 1921 г., до 1921 г. сохранились только разрозненные обрывки. [...] Году в 1994-м я всё изучил, всё расписал и сложил. Дальше – нужно было публиковать. Я посмотрел на свои цифры [...]. А по моим подсчетам за всю историю советской власти, от 1918 до 1987 года (последние аресты были в начале 1987-го), по сохранившимся документам получилось, что арестованных органами безопасности по всей стране было 7 миллионов 100 тысяч человек. При этом, среди них были арестованные не только по политическим статьям. И довольно много. [...] И вот цифра итоговая – 7 миллионов. Это за всю историю советской власти. [...] А общественное мнение говорит, что у нас чуть ли не 12 миллионов арестованных только за 1937-1939-й. [...] И отложил я все свои вычисления в сторону. Надолго. А потом уж (через годы) вроде уже можно было публиковать, а времени не нашлось. Пока» [2].

Учитывая, что через шесть с половиной лет А. Рогинского не стало, его рассуждения о том, что имеет смысл отложить на не поддающиеся заведомому подсчету годы столь значимую публикацию, выглядят сейчас, по меньшей мере, самонадеянно. Мог ли он сам не отдавать себе отчета в том, что времени, говоря его языком, может и не найтись, – едва ли. Поэтому вдвойне интересна мотивация, заставившая историка, пренебрегая потраченными на исследование месяцами, а возможно и годами (сколько времени по дням он работал над этой темой, не известно), отказаться от публикации полученных результатов.

«Вокруг меня во внешнем мире существуют люди, мнение которых важно для меня: существует традиционное интеллигентское общественное мнение, и, что самое главное, мнение бывших заключенных, которых в 1994 г. в живых еще оставалось очень много. И они мерили наши жертвы за всю историю террора какими-то совершенно невыносимыми цифрами, десятками миллионов. [...] И я принадлежу этому обществу, живу среди этих людей, я их часть. [...] Просто точно знал, что, во-первых, не поверят. А, во-вторых, для круга, к которому я считаю себя принадлежащим, это значило бы, что всё, что нам говорили о цифрах до этих пор вполне уважаемые нами люди, неправда».

Хотя А. Рогинский и пояснил, что под обществом он понимает «не часть советской власти или российской демократии, а этих людей», очевидно, что определённый общественно-политический подтекст у его мотивов был. Понимая, как этот пересмотр чисел может быть использован, например, КПРФ, он мог намеренно отказаться от публикации. Что касается его опасений дезавуировать заблуждения «вполне уважаемых нами людей», то никакого греха в том, чтобы предоставить многим из них возможность при их жизни узнать точные числа и, скорректировав собственные подсчеты, избавиться от заблуждений, не было. Более того, именно и только это входило бы в обязанности профессионального историка.

А. Рогинский еще не раз отстаивал ту же удивительную для человека, называющего себя правозащитником, запретительную позицию. Так, задавая 31 октября 2013 г. в присутствии собравшейся аудитории сопровождаемый длинным предуведомлением вопрос директору Архива Штази Роланду Яну, выступавшему на открытой встрече, организованной «Мемориалом», А. Рогинский в полуутвердительной форме поинтересовался, правильно ли выдавать следственные дела, если недалёкие историки и журналисты не смогут корректно понять язык спецслужб, которым написаны документы, а потому сделают неверные выводы.

Роланд Ян был заметно удивлён самой постановкой вопроса. Для нас же, находящихся, в отличие от него, не в Германии, важно то, что подход А. Рогинского можно с одинаковым успехом распространить не только на следственные или надзорные дела диссидентов 1960-1980-х гг., но и на массив документации, отражающей работу репрессивного аппарата в 1930-1940-х.

Озвученная руководителем «Мемориала» позиция вдвойне парадоксальна не только потому, что она исходит от руководителя «международного правозащитного историко-просветительского» общества, но и отсутствием в её предложенной А. Рогинским формулировке даже намёка на правовое основание. То, что историк может превратно, как считает А. Рогинский, понять фразу, написанную сотрудником госбезопасности, рассматривалось этим «правозащитником», как приемлемое основание для незаконное ограничение доступа к архивному источнику.

В среде мнимо либеральных властителей «дискурса» уже сейчас предпринимаются активные попытки придумать алиби, которым многие из её представителей смогли бы воспользоваться в случае, если при непрогнозируемом развитии событий в России архивные фонды госбезопасности, отражающие сотрудничество осведомителей с органами, станут доступными, как это уже произошло в ряде бывших советских республик. 18 ноября 2018-го Нина Брагинская, входившая, как она пишет, еще в конце 1980-х в «группу «Мемориал»», опубликовала у себя на странице заметку, представляющую собой очевидную попытку скомпрометировать источник, несший потенциальную опасность для большого количества людей с так называемым «статусом» в российском обществе. Не снисходя ни до каких примеров и не пытаясь оценить возможные масштабы этого явления, – что начисто лишает нас возможности понять, может ли и должно ли подобное обстоятельство как-то влиять, например, на рассекречивание фондов КГБ, – Н. Брагинская поставила, по существу, под сомнение достоверность всех архивных документов, в которых тот или иной человек мог быть обозначен как информатор Комитета: «А вот донесение чекиста, что завербовал такого-то. Вот он! А донесение фиктивное. Герой его и не знал об этом, нквдешник отчитывался о работе перед своим начальством. [...] Приписки у них были. Были» [20].

Поскольку подобная постановка вопроса может быть любым информатором использована как алиби, являющаяся антиковедом Нина Брагинская должна была бы пояснить, пытался ли кто-либо из коллег хотя бы приблизительно оценить масштабы подобных приписок. Хотя это эффектно выглядит в теории, а в художественном фильме смотрелось бы и вовсе бесподобно, на практике же у чекистов, как и сотрудников КГБ, не могло не существовать способов проверить, действительно ли имярек является завербованным агентом. Иными словами, утверждение, что любой чекист мог объявить любого гражданина завербованным им агентом и оформить это документально либо так позиционировать его в каком-то письменном отчете, выглядит слегка неубедительно, и даже если предположить, что в Наркомате или Комитете находились такие Хлестаковы, объявляющие, что они «с Пушкиным на дружеской ноге», то без реалистичной оценки того, сколь распространены (если вообще) были подобные приписки, принимать этот аргумент в расчет будет, по меньшей мере, недобросовестно.

Вероятность того, что данные в документе могли быть недостоверны, подаётся как презумпция недостоверности подобных источников как таковых. Поразительно, что на подобную подтасовку идёт историк Н. Брагинская*, которой заведомо известно, что субъективность изложения, в принципе, характерна для множества документов, вне зависимости от того, в какую эпоху они были написаны, а потому не может рассматриваться как фактор, полностью дезавуирующий содержащуюся в архивном документе информацию. То, что множество документов составлены, мягко говоря, не идеально (и профессионал зачастую может

* Нина Брагинская – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ. В 1989-1992 гг. сотрудничала с НИИПЦ «Мемориал».

перечислить как те обстоятельства, которые, к сожалению, упомянуты не были, так и те, что изложены в той степени, в какой их осознавал либо считал нужным описать автор), не мешает историкам их анализировать и, давая необходимые ссылки, использовать как источник информации – хотя бы в наиболее достоверной части.

Н. Брагинская же, вместо того, чтобы открыто признать, что ложное зачисление в агенты не могло быть массовым, решила использовать презумпцию абсолютной недоказуемости достоверности созданного сотрудниками НКВД/МГБ/КГБ документа, а заодно, предавшись общим теоретизированиям, зарпортовалась до того, что якобы невозможно понять, кого следует подразумевать под палачами: «Радаманты самозванные! Вы определение палача дали? Определение жертвы дали? К реальности пробовали применить? Документами подтвердить?»

Заговорив о некоем переходящем в лабораторную стерильность теоретическом абсолюте, Н. Брагинская использовала эту спекулятивную риторику, чтобы начать выгораживать заигравшееся в мнимую объективность руководство «Международного Мемориала»: «Чем объявлять Мемориал в холуйстве и приспособленчестве, изучайте, кто они все – лежащие в Бутово и Коммунарке, их 30 тысяч, а по стране столько-то сотен тысяч только расстрелянных, веди своё расследование, кто есть кто».

В этих попытках подменить общими разглагольствованиями необходимое обсуждение критериев, по которым можно было бы отделять тех, кто играл в репрессиях руководящую роль, от тех, кто был заведомой жертвой, Н. Брагинская стала противоречить самой себе. Признав, что «некоторые несомненно палачи, их имена известны, они-то в первую очередь заслуживают имени “невинных жертв” Сталина. Они ему служили, а он их убил», – Н. Брагинская в том же тексте пытается высмеивать тех, кто возьмётся подобную селекцию осуществлять: «О эти судьи! О эти знатоки прошлого и будущего, готовые отделять посмертно овн от козлиц! И Юра Самодуров** уверен, что нет ничего проще... Графически отделить на памятнике два списка. Ты их составь сперва, Юра!» [20].

Сложно отделаться от впечатления, что у Н. Брагинской, когда речь заходит о массовых репрессиях, – кстати, с чего бы это? – начинает хромать логика. Сама согласившись, – хотя и явно занижая их количество, – с тем, что «некоторые, несомненно, [были] палачами», она отрицает возможность перечислить этих «некоторых» в отдельном списке.

Эти разглагольствования Н. Брагинской вызывают недоверие не только в силу попытки абсолютизировать принцип недоказуемости изложенных в документах событий, заодно пренебрежительно объявляя всех тех, – включая профессиональных историков, – кто посмел усомниться в добросовестности руководителей международного «Мемориала», самозванцами, но еще и по той причине, что госпожа Брагинская едва ли бы осмелилась делать вид, что не верит в возможность отделить палачей от жертв, если бы речь шла не о ГУЛАГ'е, а о нацистских концентрационных лагерях, куда свозились евреи. Поскольку речь зашла бы о её соплеменниках, а еврейство куда более категорично настроено в интерпретации того, кто же является жертвой, когда заходит речь о Холокосте, сложно поверить в то, что Н. Брагинская поддержала бы идею сделать общий список как заключенных концентрационных лагерей, так и тех, кто в этих лагерях служил, даже если потом кто-то из этого обслуживающего персонала был расстрелян без соблюдения судебных процессуальных формальностей.

И, как и в случае с А. Рогинским, выступавшим категорически против не только люстрации, но и широкого доступа к документам советской госбезопасности, Н. Брагинская демонстрирует явную личную заинтересованность в том, чтобы, даже если архивные документы об осведомителях стали доступны и в России, их достоверность была бы заведомо поставлена под сомнение – скопом и в розницу.

** Юрий Самодуров был членом «Мемориала», а в дальнейшем руководил музеем имени Андрея Дмитриевича Сахарова.

Самое же интересное, что этим пустопорожним разглагольствованим Н. Брагинская предалась именно в тот период, когда в Латвии стали публиковать имена агентов, перечисляемых в картотеке КГБ ЛССР, а документы из архивов СБУ (Службы Безпеки України) активно используются историками из разных стран. Неудивительно, что этот пространный, но неубедительный текст Н. Брагинской оперативно перепостил на своей странице и член правления «Международного Мемориала» Александр Черкасов, сопроводив его тенденциозно комплиментарным, но абсолютно неубедительным откликом: «Очень толково» [23].

Выступая 25 октября 2010 г. на историко-архивной конференции в курортном местечке Квариати*, всё тот же А. Рогинский открытым текстом сформулировал свою позицию по вождеаемому многими исследователями тотальному рассекречиванию советской архивной документации: «Я являюсь противником люстрации и не считаю, что в архивах должно предоставляться всё».

Это откровение важно для понимания того, кто именно оказался серым кардиналом, повлиявшим на проработку тактики и, соответственно, стратегии адвокатской позиции в деле начальника информационной службы и архивного отдела Управления МВД по Архангельской области полковника милиции Александра Дударева и профессора Поморского госуниверситета – историка Михаила Супруна. Не секрет, что адвокат Иван Павлов, порекомендованный М. Супруну руководителями питерского «Мемориала», состоящими с руководителями «Международного Мемориала» в более чем деловых отношениях, – их объединяют давние почти родственные узы, – обсуждал линию защиты с тем же А. Рогинским и теми его сотрудниками, которых всевластный руководитель «Мемориала» вовлекал в эти беседы.

Роль, закулисно сыгранная А. Рогинским и статусными правозащитниками из «Мемориала», обсуждавшими выбираемую линию защиты с И. Павловым, по ряду признаков помогшему своему подзащитому проиграть процесс [24-29], выглядит тем более двусмысленно, что М. Супрун своевременно не задался вопросом о том, являются ли они его союзниками в создавшейся ситуации. Питерский «Мемориал», от которого исходила первая рекомендация обратиться к адвокату И. Павлову, оказался наиболее близко к Архангельску расположенной правозащитной организацией. Степень же делового взаимодействия Ирины Флиге с И. Павловым, как и влияние, которое через него сможет оказывать на процесс А. Рогинский, М. Супрун даже теоретически не мог предусмотреть, поскольку, находясь под административным и моральным давлением, не просчитывал таких вариантов.

Противоречивость складывавшейся ситуации стала очевидна лишь тогда, когда что-либо изменить не смог бы – даже если бы предпринял соответствующую попытку – ни сам М. Супрун, ни другие лица, внимательно следившие за процессом. Не подозревая об этом, преследуемый историк стал искать союзников в лагере, политическая позиция которого ему не была известна. Вследствие того, что А. Рогинский, являясь категорическим противником не только люстрации, но и широкого рассекречивания документов государственной безопасности, не стал бы вступать из-за архангельского историка в конфликт с Федеральной Службой Безопасности и тем самым нарушать заключенную им с властями обоюдовыгодную унию, благодаря которой он, получив полномочия присматривать за историко-архивным сообществом, почти четверть века являлся главным действующим лицом в международном «Мемориале», не учитывавший этого Михаил Супрун оказался между молотом ФСБ и наковальной «статусной правозащиты».

Негативное отношение А. Рогинского к люстрации можно было бы считать его частной позицией, если бы представители того самого ведомства, интересы которого он де-факто защищал, выступая против ограничения прав на политическую карьеру лиц, связанных с советской госбезопасностью, не просто оказались в России у власти, но и стали быстро воссоздавать советскую систему с

* Конференция Study the past for the future, в которой приняли участие историки из Азербайджана, Грузии, России, США и Финляндии, проходила 23-26 октября 2010 г. в Тбилиси, а затем в Квариати возле Батуми.

типичным для неё подавлением инакомыслия и бандитским отношением к чуждым элементам.

Люстрация касается не только политики, но и, например, влияния, которое российские спецслужбы сохраняют в средствах массовой информации – причем, не только отечественных, но и зарубежных, работавших в России (в частности, в русских редакциях таких радиостанций, как Радио Свобода, БиБиСи, Голос Америки, Немецкая Волна, и журналов в диапазоне от Newsweek до Playboy).

Занятая им позиция выглядит двусмысленно, если воспринимать «десталинизацию», которой столь активно занимается А. Рогинский, как искреннюю политическую платформу. Можно было бы предположить, что, проигрывая настоящее, он рассчитывал вырастить поколение, которое сможет взять реванш в будущем, однако А. Рогинский слишком хорошо знал особенности и русской жизни, и советской системы, чтобы верить в то, что в авторитарном обществе гражданская оппозиция сможет создать альтернативную структуру власти. Это не удалось его ровесникам, намного лучше, чем современная молодёжь, понимавшим, что такое советский миропорядок, и испытавшим все его достоинства и недостатки на собственном опыте. Займётся ли европеизированием такой системы молодёжь, которой легче эмигрировать либо оградиться от окружающей жизни в своей интернет-реальности, вопрос, к сожалению, имеющий скорее один ответ, нежели два. Таким образом, уместно предположить, что, уступая позиции идеологическому противнику, А. Рогинский прекрасно понимал, что в обозримой перспективе они отвоёваны не будут.

В подобном событийном контексте «десталинизация» неизбежно вырождается в коммерческий проект, позволивший А. Рогинскому за столбить за собой роль видного «антисталиниста», сохранив амплуа «общественного деятеля» и «почти политика», но при этом не делая ничего, что будет болезненно для властей. «Антисталинист», выступающий против люстрации, то есть инструмента, гарантирующего десталинизацию не декларативную, а политико-административную, - это больше похоже на легендирование (успешно исполняемую театральную роль), чем на искреннюю позицию, сопряжённую с безусловными рисками.

Хотя А. Рогинского рассматривают в первую очередь как историка, по своей психологии профессиональным историком он, как ни странно, не являлся, поскольку позволял обстоятельствам, не имеющим никакого отношения к науке, влиять на то, публиковать ли обнаруженную архивную информацию. Выступая 25 мая 2012 г. на том же круглом столе, он продекларировал, по существу, что самоценность исследования не является для него приоритетной и ею можно пожертвовать как для соблюдения чьих-то интересов, так и сохранения чьих-то репутаций: «[...] вот он [историк] завершил исследование, и уже есть результаты. Трудности возникают при представлении этих результатов обществу. Именно в этот момент, если уж говорить о моей практике, мне не раз приходилось затыкаться, умалчивать, практически готовые работы класть куда-то в далёкий ящик, где некоторые из них до сих пор так и ждут своего часа» [2].

Сложно расценить иначе, как призыв следовать конъюнктуре (политической, социальной или профессиональной), слова А. Рогинского о том, что, «будучи абсолютно независимым в исследовании, в поисках, в подготовке, по целому ряду пунктов историк не может вот так не оглядываться перед тем, как что-то болезненное предать гласности. И историку приходится думать не только о том, что сказать, но и когда сказать, и когда помолчать».

Парадокс, но даже после этой открытой декларации, означавшей, что А. Рогинский считает, что историки должны публиковать свои работы только в том случае, если они не подорвут авторитета коллег и не опровергнут удобный влиятельным политическим силам стереотип, его продолжают считать историком, хотя нельзя и представить ничего более антинаучного, чем призыв, вводя подобную антинаучную самоцензуру, искусственно сдерживать естественный процесс исследования, предполагающего, что по его результатам могут быть

оспорены устаревшие и не подтвердившиеся концепции. Эта рекомендованная А. Рогинским установка, будь она взята на вооружение директором научного учреждения, книжного издательства либо даже заведующим кафедрой, привела бы (да и приводит, если называть вещи своими именами) к тому, что десятки, если не сотни исследований были бы заблокированы еще на их начальной стадии, поскольку любой руководитель оказался озабочен преимущественно тем, не будут ли результаты «болезненными» для каких-то влиятельных лиц, и не уместнее ли эффектно «помолчать» на соответствующую тему.

Понять причины столь парадоксального поведения А. Рогинского легко, если расстаться с устоявшимся стереотипным мнением, согласно которому он был историком. При внимательном ознакомлении с его биографией, а хорошим подспорьем в этом может стать книга Барбары Мартин и Антона Свешникова [13], становится понятно, что, в 1970-х А. Рогинский был молодым филологом, лишь желавшим переквалифицироваться в историки и участвовавшим в издании достаточно дилетантского самиздатовского альманаха «Звездный час» А. Рогинского настал именно после того, как он оказался под судом за подделку отношений в архив. Понимая, что от того, какая репутация у него сложится в результате процесса, А. Рогинский посвятил своё последнее слово необходимости провести архивную реформу. Учитывая, что на дворе было всё еще брежневское время, ничем иным, кроме блефа его речь назвать нельзя, но её оказалось достаточно для того, чтобы за рубежом уверовали в существование «независимого историка», якобы борющегося с системой. Однако когда А. Рогинский спустя несколько лет вышел на свободу, он предпочел с головой окунуться в общественно-политическую деятельность и, даже возглавив «Мемориал», не счел нужным сделать карьеру историка, хотя архивы, о доступе к которым он при Брежневе не мог и помышлять, оказались после 1991-го открытыми. Парадокс, но называющийся «историко-просветительским» обществом «Мемориал» сподобился выпустить лишь два номера исторического альманаха «Звенья», и, начиная с 1993-го собственного исторического альманаха не имеет.

Тем не менее, чтобы оправдать брежневски несменяемое четвертьвековое монопольное правление А. Рогинского, его клан активно создавал о нём миф, как о якобы «выдающемся историке». Очередная волна восторгов была поднята уже после того, как он умер, чтобы подчеркнуть законность наследования «международного Мемориала» представителями клана скончавшегося Рогинского. Когда в марте 2019-го бывший руководитель московского представителя Фонда Бёлля Йенц Зигерт, многие годы спонсировавший работу «Мемориала», написал на своей странице в фэйсбуке, что, выйдя на свободу, А. Рогинский посвятил всю оставшуюся жизнь, – то есть более 30-ти лет, – изучению массовых репрессий, я поинтересовался у него, какими научными публикациями А. Рогинского можно подтвердить проделанную им работу и высокий научный уровень. Поскольку Зигерт безмолствовал, я призвал ему на помощь более десяти сотрудников «Мемориалов» – как московского, так и Санкт-Петербургского и Харьковского, с руководством которых А. Рогинского объединяли особо близкие отношения. Когда после нескольких попыток добиться от них ответа стало понятно, что они не в состоянии перечислить хотя бы несколько публикаций, Зигерт стёр мой вопрос, а представители «Мемориала» стали коллективно посылать мою страницу в фэйсбуке в «бан».

В то же время нельзя сказать, что никаких публикаций у А. Рогинского не было, но их мало, да и те, что мне известны, подписаны в соавторстве, так что невозможно понять, кто же в действительности писал текст и каково участие каждого из соавторов. Причем, и среди таких публикаций это зачастую не самостоятельные тексты, а вступительные статьи и комментарии к публикации чьих-то писем либо воспоминаний. Видимо, по этой причине библиотекарь «Мемориала» Борис Беленкин, являющийся редактором-составителем альманаха «Acta Samizdatica», не включил в посвященный скончавшемуся А. Рогинскому номер его библиографии.

Из всего этого однозначно следует, что называть А. Рогинского, выступавшего против люстрации и широкого открытия архивных фондов госбезопасности, историком было бы фактически неверно. Что не отменяет подозрений в том, что, когда А. Рогинский выступал против люстрации, им двигала очень личная заинтересованность.

Объяснить же причины, по которым Арсений Рогинский так и не состоялся как профессиональный историк, крайне неубедительно попытался после его смерти его многолетний подчинённый Константин Морозов: «Совершенно очевидно, что свой потенциал как исследователя он реализовал далеко не в полной мере. Иногда он сетовал, что вынужден отдаваться административной работе» [21]. Работающий много лет в «Мемориале» К. Морозов обозначил проблему верно, однако мысль развивать не стал, хотя известно, что никто не заставлял А. Рогинского променять карьеру историка на административные заботы. Он отдал предпочтение тому, что, вероятно, больше соответствовало тем целям, которые он преследовал с рубежа 1980-1990-х.

Достаточно странно в сделанном К. Морозовым описании выглядит и то, как А. Рогинский работал над статьями: «Очень ответственно, даже супер ответственно подходил он к написанию текстов. Он нервничал, что ему нужно что-то написать. То, что он может немного опустить планку требований к себе, ему в голову, похоже, совсем не приходило».

Несмотря на содержащуюся в нем комплиментарную оценку, это свидетельство настораживает тем, что К. Морозов не приводит списка тех самых «текстов», к написанию которых А. Рогинский, по его словам, подходил «супер ответственно». Куда интереснее и более достоверно выглядит наблюдение Константина Морозова, что А. Рогинский «нервничал, что ему нужно что-то написать». Странная черта для человека, уверенного в своих профессиональных навыках и знаниях. Интересно и то, что нервную реакцию руководителя «международного Мемориала» К. Морозову было проще заметить, чем удостовериться в том, что тот «супер ответственный» в работе над статьями, поскольку последнее более субъективная, а потому сложнее доказуемая оценка.

Хотя К. Морозов и пишет, что А. Рогинский «как исследователь [...] недооценён», однако вновь не поясняет, что пренебрёг собственными исследовательскими навыками А. Рогинский по собственному усмотрению, поскольку, очевидно, что карьера историка ему казалась не соответствующей его амбициям (и, судя по настойчивым попыткам влиять на правозащитную и историко-архивную среду, – «масштабам»).

Еще одним историком, подобно А. Рогинскому публично приветствующим ограниченный доступ к архивным документам, стал живущий в Новосибирске медиевист Дмитрий Карнаухов, который 11 октября 2017-го был выслан из Польши. Когда обсуждение этого происшествия началось в прессе, Д. Карнаухов, не называя ни имён, ни книг, огульно обвинил поляков в том, что ими «выбирались только те факты, которые только с негативной точки зрения освещали тематику», и поддержал запретительные меры: «Поэтому наши власти, как мне кажется, совершенно объективно пошли на ужесточение режима пользования архивными документами» [14].

Сослался Д. Карнаухов и на то, что польские историки российскими архивными «источниками будут» якобы «спекулировать» и «представлять не в объективном научном дискурсе, а сугубо пропагандистском. Как доказательство вины», Д. Карнаухов связал «период, когда архивы были открыты» с появлением «совершенно жесткого антироссийского дискурса в польской историографии».

Не говоря о том, что причины, которыми руководствовались российские власти, могут быть (либо не быть) «объективными», но никак не направленными на ужесточение архивной политики, следует заметить, что Д. Карнаухов приветствует, по сути, дискриминацию тех или иных историков, объединяемых каким-то критерием (из его комментария, воспроизведённого сайтом Фонтанка.ру, невозможно, впрочем, понять, понимает ли он четко, кто именно из его коллег, –

если он вообще считает их коллегами, – станет заложником подобной запретительной политики, и не распространится ли она за компанию не только на польских, но и российских исследователей).

При том, что многие историки восприняли прошедший в 2011-м прецедентный судебный процесс над архивистом А. Дударевым и историком М. Супруном как угрозу профессиональной среде, даже среди тех, кто считает обвинения сфабрированными, можно найти людей, полагающих, что, в принципе, историков можно и посадить, если они переходят некую запретную идеологическую черту.

Так Павел Полян, упомянувший в своей крайне претенциозной и неоднозначной книге «Историомор, или трепанация памяти», что А. Дударева и М. Супруна судили за использование «банальных установочных данных нескольких тысяч репрессированных, ничем не отличающихся от сведений, миллионы раз использовавшихся в сотнях российских региональных «Книг памяти» [19, с. 175], посвятил многие страницы этой же работы злорадному перечислению тех судебных и внесудебных преследований, которым подвергались ревизионисты, ставящие под сомнение либо количество евреев, погибших во время Второй Мировой войны, либо использование газовых камер.

Если бы книга П. Поляна была опубликована в одной из стран, о которых шла речь, это и без того граничащее с неуместным смакованием ликование, вызванное разнообразными гонениями на оппонентов, не приносило бы ничего нового во взаимоотношение противоборствующих историков, но, когда подобным едва ли передовым европейским и американским опытом П. Полян делится с российской аудиторией, он по существу популяризирует как якобы допустимый тот набор приёмов, которые позволят любым связанным с властями сторонникам канонических версий той же советской истории в куда более свирепых формах расправляться с теми, кто ставит под сомнение одобренную идеологическим аппаратом версию.

Учитывая, что такие без преувеличения «выдающиеся» знатоки советской истории как министр обороны РФ Шойгу и депутат Государственной Думы Яровая уже высказывались за то, чтобы историки, ставящие под сомнение каноническую трактовку событий связанных с той же «Великой отечественной войной», подвергались судебному преследованию, сложно поверить, что П. Полян не догадывается о том, как российскими властями может быть использован вызывающий сомнения в своей прогрессивности опыт западных стран.

Продолжение в следующем номере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсений Рогинский: «Главное – это, наконец, донести правду о Катыни до российского народа». Права человека в России. Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hro.org/node/7919>

2. Арсений Рогинский о молчании историка (со ссылкой на Polit.Ua, 3 августа 2012 г.). [Электронный ресурс:]. Режим доступа: <http://www.polit.ua/articles/2012/08/03/roginskiy.html> <http://old.memo.ru/d/124360.html>

3. В посольстве Польши прошел вечер памяти Арсения Рогинского. 5 июня 2018 г. Международное общество «Мемориал». Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/intermemorial/news/149>

4. Ганапольский М. Свободное радио для свободных людей. Радиостанция «Эхо Москвы». Матвей Ганапольский. Блог. 21 августа 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/ganapolsky/1607534-echo/>

5. Дюков А. О деле Супруна: заметки на полях. Записные книжки историка. 16 декабря 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://a-dyukov.livejournal.com/1062520.html>

6. Жуков Ю. Гордиться, а не каяться. Правда о сталинской эпохе. Москва: Эксмо, Яуза, 2011. 265 с.

7. Золотое подполье. Полная иллюстрированная энциклопедия рок-самиздата. Сост.: Волков А., Гурьев С. Нижний Новгород: Изд-во «Деком», 1994. 368 с. (С. 248-249.)
8. Каспаров Г. Беларусский синдром российского интеллигента. 14 сентября 2020 г. Страница Гарри Каспарова. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/KasparovHome/posts/3387376254618305>
9. Комментарии к посту «Клюква от Радзинского. Продолжение. «Он подвёл нас под удар». 5 декабря 2018 г. Страница Alexander Podrabinek. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/alexander.podrabinek/posts/1940518529399832>
10. Комментарии к посту «Клюква от Радзинского. Продолжение. «Он подвёл нас под удар». 10 декабря 2018 г. Страница Alexander Podrabinek. Facebook. Режим доступа: https://www.facebook.com/alexander.podrabinek/posts/1940518529399832?comment_id=1940710809380604&reply_comment_id=1940749936043358
11. Корни белорусской политики. Кузнецов: история повторяется. Telegraf.by. 27 октября 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telegraf.by/in-belarus/korni-belorusskoi-politiki-kuznecov-istoriya-povtoryaetsya/>
12. Львов В. Катюнь: Владимир Путин и Дональд Туск почтили память погибших. 7 апреля 2010 г. Русская служба Голос Америки. Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.golos-ameriki.ru/a/poland_katyn_2010_04_07-90128672/184041.html
13. Мартин Б., Свешников А. Исторический сборник «Память». Исследования и материалы. Москва: Изд-во «НЛО», 2017. 400 с.
14. Нелюбин Н. ФСБ отзеркалила польского историка. Новости Санкт-Петербурга. 2017. 27 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://piter-news.net/society/2017/11/27/118163.html>
15. Неудобное прошлое. Обсуждение с автором Николаем Эппле и Ириной Прохоровой. Эфир от 7 ноября 2020 г. Радио «Говорит Москва» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=X_iLkANw10M
16. Обмен репликами от 8 ноября 2016 г. Страница Георгия Рамазашвили. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/ramazashvili.georgiy>
17. Подрабинек А. Некрасивая история и чекистское прошлое оппозиционера Гудкова. Контуры. 30 августа 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kontury.info/publ/politika/nekrasivaja_istorija_i_chekistskoe_proshloe_oppozicionera_gudkova/5-1-0-123
18. Подрабинек А. Безнравственный протест. Радио Свобода. Сайт. 14 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/28425662.html>
19. Полян П. Историомор, или Трепанация памяти. Москва: АСТ, 2016. 624 с.
20. Пост от 18 ноября 2018 г. Страница Нины Брагинской. Facebook. Режим доступа: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1955565137860016&id=100002196452403
21. Пост от 19 декабря 2017 г. Страница Константина Морозова. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/konstantin.morozov.7/posts/1882017125156303>
22. Пост от 1 июля 2018 г. Страница Дмитрия Шушарина. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/dshush/posts/2087554137939457>
23. Перепост от 18 ноября 2018 г. Страница Александра Черкасова. Facebook. Режим доступа:
24. Рамазашвили Г. Дело Дударева-Супруна: истоки, судебные перспективы и последствия. Индекс. Досье на цензуру. № 30, 2009. С. 103-131. [Dudarev/Suprun Case: origines, perspectives of the trial and consequences// Index. Dosye na Tsenzuru (Russian version of Index On Censorship). #30, 2009. P. 103-131.]
25. Рамазашвили Г. Опасный прецедент. О роли адвокатов в исходе одного историко-архивного дела. Свободная мысль. №3/4 (1632), 2012. С. 81-93. [Dangerous Precedent: About the role of lawyers in the outcome of one historical-archival trial// Svobodnaya Mysl'. #3/4 (1632), 2012. P. 81-93.]
26. Рамазашвили Г. Кто и зачем ограничивает доступ к архивным фондам? (К итогам одного судебного дела)// Новое Литературное Обозрение. №6 (118), 2012. С. 429-440. Who and for what restricts an access to archival funds// NLO #6(118), 2012. P. 429-440.
27. Ramazashvili G. The Dudarev-Suprun case between the letter and the spirit of Russian legislation: the repressive use of the departmental order of the Ministry of Culture, Ministry of Internal Affairs and Federal Security Service № 375/584/352. (Translation: Ben Hooson)// Process. Part 2: Hearing. 12.2016. P. 11-15.

28. Рамазашвили Г. Дело Дударева-Супруна между буквой и смыслом российского законодательства: репрессивное использование ведомственного приказа Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ № 375/584/352. // Процессы (часть 2). 12.2016. С. 11-15.

29. Рамазашвили Г. Р. Историк Михаил Супрун против Российской Федерации: отголоски историко-архивного процесса и анализ правовых аргументов, представленных в Европейский Суд по Правам Человека. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1(3) С. 279-313.

30. Рыцарь против ФСБ. Как адвокат Иван Павлов защищает людей, обвиненных в госизмене. Репортаж Даниила Туровского. Медуда. Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/12/01/rytsar-protiv-fsb>

31. Телехранитель. Выпуск «Телевидение о великой войне». Эфир от 11 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/tv/1316922-echo/>

32. Цена победы. Полян П., Дымарский В., Рыжков В. Эфир от 24 декабря 2016 г. Радиостанция «Эхо Москвы». Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/victory/1897524-echo/>

33. Я не люблю разговоры о новом Нюрнберге. Автор книги «Неудобное прошлое» Николай Эппле – о проработке исторических травм. Сноб. 31 августа 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://snob.ru/entry/197157/>

34. Post 30.11.2012. Page Jens Siegert. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/jens.siegert/posts/4025568597369>

REFERENCES

1. Martin, B., Sveshnicov, A. (2017). *Istoricheskiy sbornik "Pamyat"*. Issledovaniya i materialy. [Historical almanac "Memory". Researches and materials] Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye. [In Russian].

2. Polyan P. (2016). *Istoriomor, ili Trepanatsia pamyati*. [Istoriomor or the trepanation of a memory] Moscow: AST. [In Russian].

3. Ramazashvili, G. (2009). *Delo Dudareva-Supruna: istoki, sudebnyye perspektivy i posledstviya. Indeks* [Dudarev/Suprun Case: origines, perspectives of the trial and consequences]. *Dos'ye na tsenzuru*, 30, 103-131 [In Russian].

4. Ramazashvili, G. (2012). *Opasnyy pretsedent. O roli advokатов v iskhode odnogo istoriko-arkhivnogo dela* [Dangerous Precedent: About the role of lawyers in the outcome of one historical-archival trial]. *Svobodnaya Mysl'*, 3/4 (1632), 81-93 [in Russian].

5. Ramazashvili, G. (2012). *Kto i zachem ogranichivayet dostup k arkhivnym fondam? (K itogam odnogo sudebnogo dela)* [Who and for what restricts an access to archival funds]. *Novoye Literaturnoye Obozreniye*, 6(118), 429-440 [in Russian].

6. Ramazashvili, G. (2016). *The Dudarev-Suprun case between the letter and the spirit of Russian legislation: the repressive use of the departmental order of the Ministry of Culture, Ministry of Internal Affairs and Federal Security Service № 375/584/352*. (Translation: Ben Hooson). *Process. Part 2. Hearing*, 12, 11-15 [in English].

7. Ramazashvili, G. R. (2016). *Istoriik Mikhail Suprun protiv Rossiyskoy Federatsii: otgoloski istoriko-arkhivnogo protsesssa i analiz pravovykh argumentov, predstavlennykh v Yevropeyskiy Sud po Pravam Cheloveka* [Historian Mikhail Suprun against the Russian Federation: echoes of the historical-archival process and analysis of legal arguments presented to the European Court of Human Rights]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Dmitry Pozharsky University Bulletin], 1(3), 279-313 [in Russian].

8. Zhukov, Yu. (2011). *Gordit'sya, a ne kayat'sya. Pravda o stalinskoy epokhe* [Be proud, not repentant. The truth about the Stalinist era]. Moscow: Eksmo, Yauza [in Russian].

9. Volkov, A., Gur'yev, S. (Ed.) (1994). *Zolotoye podpol'ye. Polnaya illyustrirovannaya entsiklopediya rok-samizdata* [Gold underground. Complete illustrated encyclopedia of rock samizdat]. Nizhniy Novgorod: Izd-vo «Dekom», 1994 [in Russian].

Надійшла до редколегії / Received 23.01.2021

Рекомендована до друку / Accepted 20.04.2021